

Психология Любви

или Большой переполох в Маленьком Китае

12+

Алексей Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

Психология Любви или Большой переполох в Маленьком Китае

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30796542
SelfPub; 2018*

Аннотация

Перед молодым участковым Симоном Кацевичем стоит сложная задача. Нужно найти отца. Нет, не своего отца именно ищет Симон. Кацевич-старший сидит на попе ровно и шьёт брюки (он широко известный в городе портной). Участковый должен найти отца Павлика. Дело усложняется тем, что Павлик ещё не родился... Но обязательно родится, потому что в Маленьком Китае произошло... Что именно произошло, тоже предстоит разобраться. Читайте, и море позитива, юмора и хорошего настроения Вам будет обеспечено.

1965 год. Бердянск. Нижняя часть города. Лютеранская улица. Немецкая кирха имени Христа Спасителя (поблизости). 10 мая.

Ночь темна и нежна. Она набросила на город своё неведомое звёздное покрывало. Слышится храп, ему вторит тонкое, хрустальное поскуливание. Храпит старый пёс Джульбарс, скулит политрук Ничипоренко. Кому-то из них снится внеочередное звание. Генерал Пуговкин приближается и командует: "Дай лапу!"

Мистически растворяется окно на втором этаже. Петли скрипят, и злоумышленник замирает – не разбудил ли кого? Минута проходит в оцепенении...

Цветут акации. Боже мой, как цветут акации! Днём от одуряющего запаха стынут в полёте мухи, ночью воздух кажется липким и сладким.

...Нет, никого не разбудил. Преступник выскользывает на террасу, оглядывается. Двигается быстро и со знанием дела – огибает скрипящие доски, придерживается за перила. По небольшой лесенке поднимается на третий этаж...

Впрочем, считать этот этаж третьим можно лишь условно. Он выше второго всего на шесть ступеней. Дело в том, что дом строился долго. Разными мастерами и с длительными антрактами между вспышками строительной активности.

Вокруг небольшого дворика с двумя акациями, сараем, водопроводной колонкой, заколоченным колодцем, двумя лавочками, качелей и верёвкой для белья... ничего не за-

был? Пардон, ещё собачья будка, вырезанное на заборе неприличное пожелание, куст смородины и железные ворота. Так вот, вокруг всего этого "богатства" высится, дыбится, скрипит и нависает дом на восемь самостоятельных квартир. Четыре комнаты были построены изначально, ещё до революции купцом Гайкиным. Остальные общественные ячейки возводились явочным порядком.

Чтобы попасть на второй этаж, нужно подняться по "Г" образной лестнице на террасу. Сюда выходят три двери. Четвёртая квартира считается расположенной на третьем этаже.

...На третьем этаже злоумышленник не задерживается долго. Из-за тучи проявляется луна. Её свет угрожает преступным планам. Злодей прижимает к форточке шерстяную тряпку и сильно надавливает. Стекло вываливается внутрь, но преступник успевает его поймать. Через "пробоину в обороне" он дотягивается до дверного замка и открывает его. Предусмотрительно смазывает петли.

Оглядывается. Сердце колотится неимоверно громко. Кажется, весь двор слышит этот грохот.

Быстро! Внутрь! В квартиру! В руке появляется оружие. Сквозь занавеску видны только контуры, но даже они злоежи. Бледно разгорается свеча. Ладонь зажимает рот. Жертва пытается сопротивляться, но силы слишком не равны. Пощёчина. Сдавленный крик, похож на любовный стон. Удар.

Свеча погасла...

Эту историю мне поведал Симон Андреевич Кацевич. В прошлом участковый, а ныне портной. (Шьёт брюки.)

– Понимаете, Вова, – говорит он. (Вова – это я. Ваш покорный слуга.) – Участковым быть почётно, но опасно. Профессия портного бесперспективна до безобразия. Порою мне кажется, что я сажаю алюминиевые огурцы, как пел один современный тенор...

Симон придирчиво осматривает меня. В основном нижнюю мою половину. Говорит, что жопа – это лицо человека.

– Вы плохо относитесь к своему лицу, Вова. Колени вытянулись, позади складки. Цвет нездоровый, имеются потёртости.

Я отвечаю, что это джинсы. Он говорит, что джинсы, это небритая физиономия после трёхдневного запоя.

– Только стрелочки! – утверждает Кацевич. – Накладной задний карман – уже распушенность.

Симон Андреевич многое помнит, но многое уже позабыл. Моя фантазия компенсирует лакуны его склероза. Полагаю, делает это без особого ущерба для истины. Мы разговариваем о преступлении в Маленьком Китае.

Забыл сказать, Маленьким Китаем назывался дом на восемь квартир по Лютеранской улице. Тот самый. С акациями, сараем, колодцем и прочими атрибутами комфорта.

– Если быть до конца точным, – говорит Симон, – дом имел девять квартир. В девятой квартире жили мы с мамой. Отец тоже жил с нами, но он строчил брюки. Я наследствен-

ный портной. Наша квартира имела отдельный выход на улицу, а потому формально не принадлежала Маленькому Китаю. Пока всё ясно?

– Более-менее, – соглашаюсь.

– Вот и хорошо, ибо далее будет трудно. – Он качает головой, и кустистые брови делают его похожим на печального филина. – Я себе чуть всю голову не сломал, покуда распутал это дело!

– А почему следствие вели вы, участковый?

– Прежде всего, не нужно забегать вперёд! – Перед моим носом показывается старческий палец. – Куда вы спешите? Куда можно спешить в таких брюках? Прижмитесь лицом к лавке и слушайте сюда! Отсюда будет проистекать!

Утром десятого мая я проснулся от воплей. Мамаша решила, будто случился погром, на что папаш ответил, что погромы бывают в Кишинёве. А мы, слава богу, живём в Бердянске. Пропади он пропадом! Папаш не любил наш городок. В нём проживает издевательски мало культурных людей. Пошить костюм – праздник для портного...

– Кто кричал? – перебил я.

Симон Кацевич напыжился, но продолжил:

– Следите за мыслью. Было раннее утро, что-то около пяти. Может раньше. Только что показалась заря. – Экс-участковый благородно грассировал это слово: "загр-рья". – В это время в приличных местах рождаются Венеры. Они выходят из пены. В нашем дворе "родилась" голая Ципора из второй

квартиры.

– Голая?

– Не совсем. На ней что-то было, но сосцы торчали из-под ночнушки, как револьверные стволы. Ципора стонала, причитала, грозила проклятием и убеждала, что наш Маленький Китай снесут к чёртовой бабушке. Сбросят бомбу с аэроплана и разровняют остатки бульдозером. Кто этим займётся, высшие силы или вэцээспэс она не уточняла.

Жильцы высовывались из окон. Малолетним закрывали уши, ибо Ципора не стеснялась в выражениях. Вообще она была рискованная, суровая женщина. Господь наградил её несколькими серьёзными достоинствами. Как то: жизнелюбием, оптимизмом и дочерью. За эти дары Создатель лишил женщину мужа, и большей части передних зубов. Впрочем...

– Впрочем? – переспросил я.

– Впрочем, и первое и второе, Ципора почитала за благо. Это была исключительно позитивная женщина. Исключительно! Дочку звали Рахиль, чтобы вы знали. Рахиль означает овечка.

– Выразительно имя.

– С точностью до наоборот! – отметил бывший участковый. – Слушайте ухом. За что убивалась Ципора. В шестьдесят пятом Рахиль было шестнадцать. Девушка, не побоюсь этого слова, на выданье. В самом соку. Кровь играет с молоком. Кипит! – Я понимающе кивнул. – Ципора, памятуя о своей бурной молодости, предпринимала упредительные

меры. Мадам Ципора поступала мудро. Она привязывала верёвку к большому пальцу на ноге... я говорю о ноге Рахили, вы понимаете. И делала это каждый вечер. Каждый! Даже в воскресенье. Второй конец верёвки накидывала себе на шею. Поводок верности, так это называлось.

– Она читала Декамерон?

– Это без надобности. Когда у тебя взрослая дочь, – уверил Симон, – каждая мать становится Боккаччо.

Тем утром Ципора проснулась раньше обычного, и обнаружила петлю на шее, но второй конец верёвки отсутствовал. В смысле, был развязан. Дочери в комнате не наблюдалось.

– Хм...

– Вот вам и хм! Стрекотнула наша овечка на поля Эроса! Однако не волнуйтесь, она нашлась минуты через три. Вышла из-за сарая, как ни в чём не бывало. Села на качели и попросила её подтолкнуть.

Ципора готова была растерзать мерзавку, но ей не позволили. Мужчины встали строем и отбили невинное дитя.

– Невинное?

– Опять торопитесь, Вова. Помните о принципах презумпции.

– Я помню.

– Придерживайтесь их.

Экс-участковый откашлялся и сказал, что хорошо бы попить пивка. Дескать под пиво "лучше вспоминается". Мы переместились к пивной "аорте" – бочка стояла на перекрёстке

Центральной.

– Вечером Ципора явилась в нашу квартиру. Сказала, что если я не выясню "кто её дочь огулял" – её слова, – то меня попрут с работы с волчьим билетом. Так и сказала: "Она родит, а тебя подведу под статью об аморалке".

"При чём здесь Симочка? – вскричала моя мать. – У него алиби! Он спал дома!"

"А при том, – ответила Ципора, – что на вверенном ему участке были совершены противоправные действия..."

После таких слов, папаш отставил швейную машину и схватился за голову: "О-о-о!" – молвил он. И этот стон (что у нас песней зовётся) означал: "Ципорка имела консультацию с юристом и её голыми руками не возьмёшь! Лучше сынок начисти пуговицы до блеска и вытащи на белый свет блядуна!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.